

ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ

**ОДНОМЕРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

Исследование идеологии
Развитого Индустриального Общества

Перевод с английского

МОСКВА
«REFL-book»
1994

Содержание

A. Юдин. Парадоксы критической теории Герберта Маркузе VI

Введение. Паралич критики: общество без оппозиции X

Часть I. Одномерное общество

1. Новые формы контроля	1
2. Герметизация политического универсума	26
3. Победа над несчастным сознанием: репрессивная десублимация	72
4. Герметизация универсума дискурса	109

Часть II. Одномерное мышление

5. Негативное мышление: побежденная логика протesta	161
6. От негативного мышления к позитивному: технологическая рациональность и логика господства	189
7. Триумф позитивного мышления: одномерная философия	223

Часть III. Шанс альтернативы

8. Историческое обязательство философии	267
9. Катастрофа освобождения	295
10. Заключение	324
Именной и предметный указатель	339

1. Новые формы контроля

В развитой индустриальной цивилизации царит комфортабельная, покойная, умеренная, демократическая несвобода, свидетельство технического прогресса. Действительно, что может быть более рациональным, чем подавление индивидуальности в процессе социально необходимых, но связанных со страданиями видов деятельности, или слияние индивидуальных предприятий в более эффективные и производительные корпорации, или регулирование свободной конкуренции между неравно технически вооруженными экономическими субъектами, или урезывание прерогатив и национальных суверенных прав, препятствующих международной организации ресурсов. И хотя то, что этот технологический порядок ведет также к политическому и интеллектуальному координированию, может вызывать сожаление, такое развитие нельзя не признать перспективным.

Права и свободы, игравшие роль жизненно важных факторов на ранних этапах индустриального общества, сдают свои позиции при переходе этого общества на более высокую ступень, утрачивая свое традиционное рациональное основание и содержание. Свобода мысли, слова и совести — как и свободное предпринимательство, защищие и развитию которого они служили,—

I. Одномерное общество

выступали первоначально как *критические* по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры более продуктивной и рациональной. Но, претерпев институционализацию, они разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки.

В той степени, в которой свобода от нужды как конкретная сущность всякой свободы становится реальной возможностью, права и свободы, связанные с государством, обладающим более низкой производительностью, утрачивают свое прежнее содержание. Независимость мысли, автономия и право на политическую оппозиционность лишаются своей фундаментальной критической функции в обществе, которое, как очевидно, становится все более способным удовлетворить потребности индивидов благодаря соответствующему способу их организации. Такое государство вправе требовать приятия своих принципов и институтов и стремиться свести оппозицию к обсуждению и развитию альтернативных направлений в политике *в пределах status quo*. В этом отношении, по-видимому, вполне безразлично, чем обеспечивается возрастающее удовлетворение потребностей: авторитарной или неавторитарной системой. В условиях повышающегося уровня жизни неподчинение системе кажется социально бессмысленным, и уж тем более в том случае, когда это сулит ощутимые экономические и политические невыгоды и угрожает бесприбойной деятельности целого. Разумеется, по меньшей мере в том, что касается первых

1. Новые формы контроля

жизненных необходимостей, не видно причины, по которой производство и распределение товаров и услуг должно осуществляться через согласование индивидуальных свобод путем конкуренции.

Свобода предпринимательства с самого начала вовсе не была путем блаженства. Как свобода работать или умереть от голода она означала мучительный труд, ненадежность и страх для подавляющего большинства населения. И если бы индивиду больше не пришлось как свободному экономическому субъекту утверждать себя на рынке, исчезновение свободы такого рода стало бы одним из величайших достижений цивилизации. Технологические процессы механизации и стандартизации могли бы высвободить энергию индивидов и направить ее в еще неведомое царство свободы по ту сторону необходимости. Это изменило бы саму структуру человеческого существования; индивид, избавленный от мира труда, навязывающего ему чуждые потребности и возможности, обрел бы свободу для осуществления своей автономии в жизни, ставшей теперь его собственной. И если бы оказалось возможным организовать производственный аппарат так, чтобы он был направлен на удовлетворение первостепенных потребностей, и централизовать его управление, то это не только не помешало бы автономии индивида, но сделало бы ее единственно возможной.

Такая задача, «конец» технологической рациональности, вполне по силам развитому индустриальному обществу. В действительности, однако, мы наблюдаем противоположную тенденцию: аппарат налагает свои экономические и политические требования защиты и

I. Одномерное общество

экспансии как на рабочее, так на свободное время, как на материальную, так и на интеллектуальную культуру. Сам способ организации своей технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо «тоталитарное» здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счет манипуляции потребностями с помощью имущественных прав. Таким образом, создаются препятствия для появления действенной оппозиции внутри целого. Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с «плурализмом» партий, прессы, «соперничающих сил» и т.п.¹

В настоящее время политическая власть утверждает себя через власть над процессом машинного производства и над технической организацией аппарата. Правительство развитого и развивающегося индустриального общества может удерживать свое положение только путем мобилизации, организации и эксплуатации технической, научной и механической продуктивности, которой располагает индустриальная цивилизация. Та продуктивность мобилизует общество как целое поверх и помимо каких бы то ни было частных индивидуальных и групповых интересов. Тот грубый факт, что физическая (только ли физическая?) сила машины пре-восходит силу индивида или любой группы индивидов,

¹ См. с. 65.

1. Новые формы контроля

делает машину самым эффективным политическим инструментом в любом обществе, в основе своей организованного как механический процесс. Но эта политическая тенденция не необратима; в сущности сила машины — это накопленная и воплощенная сила человека. И в той степени, в которой в основе мира труда лежит идея машины, он становится *потенциальной* основой новой человеческой свободы.

Современное индустриальное общество достигло стадии, на которой оно уже не поддается определению в традиционных терминах экономических, политических и интеллектуальных прав и свобод; и не потому что они потеряли свое значение, но потому, что их значимость уже не вмещается в рамки традиционных форм. Требуются новые способы реализации, которые бы отвечали новым возможностям общества.

Но поскольку такие новые способы равносильны отрицанию прежних, преобладающих способов реализации, они могут быть указаны только в негативных терминах. Поэтому экономическая свобода означала бы свободу *от* экономики — от контроля со стороны экономических сил и отношений, свободу от ежедневной борьбы за существование и зарабатывания на жизнь, а политическая — освобождение индивидов *от* политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы в возрождении индивидуальной мысли, поглощенной в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание, в упразднении «общественного мнения» вместе с его изготовителями. То, что эти положения звучат нереалистично, указывает

I. Одномерное общество

не на их утопический характер, но на мощь тех сил, которые препятствуют их реализации. И наиболее эффективной и устойчивой формой войны против освобождения является насаждение материальных и интеллектуальных потребностей, закрепляющих устаревшие формы борьбы за существование.

Интенсивность, способ удовлетворения и даже характер небиологических человеческих потребностей всегда были результатом преформирования*. Возможность делать или не делать, наслаждаться или разрушать, иметь или отбросить становится или не становится *потребностью* в зависимости от того, является или не является она желательной и необходимой для господствующих общественных институтов и интересов. В этом смысле человеческие потребности историчны, и в той степени, в какой общество требует репрессивного развития индивида, его потребности и притязания на их удовлетворение подпадают под действие доминирующих критических норм.

Мы можем различать истинные и ложные потребности. «Ложными» являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Их утоление может приносить значительное удовлетворение индивиду, но это не то счастье, которое следует

* В оригинале используется понятие *preconditioning* или *being preconditioned*, что в английском языке имеет техническое значение — «предварительная обработка». Автор, употребляя свой термин, имеет в виду, что индустриальное общество формирует индивидуальные влечения, потребности и устремления в предварительно заданном, нужном ему направлении.

1. Новые формы контроля

оберегать и защищать, поскольку оно (и у данного, и у других индивидов) сковывает развитие способности распознавать недуг целого и находить пути к его излечению. В результате — эйфория в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат к этой категории ложных потребностей.

Такие потребности имеют общественное содержание и функции и определяются внешними силами, контроль над которыми недоступен индивиду; при этом развитие и способы удовлетворения этих потребностей гетерономны. Независимо от того, насколько воспроизведение и усиление таких потребностей условиями существования индивида способствуют их присвоению последним, независимо от того, насколько он отождествляет себя с ними и находит себя в их удовлетворении, они остаются тем, чем были с самого начала, — продуктами общества, господствующие интересы которого требуют подавления.

Преобладание репрессивных потребностей — свершившийся факт, принятый в неведении и отчаянии; но это факт, с которым нельзя смиряться как в интересах довольного своим положением индивида, так и всех тех, чья нищета является платой за его удовлетворение. Безоговорочное право на удовлетворение имеют только первостепенные потребности: питание, одежда, жилье в соответствии с достигнутым уровнем культуры. Их удовлетворение является предпосылкой

I. Одномерное общество

удовлетворения всех потребностей, как несублимированных, так и сублимированных.

Для любой совести, любого сознания и опыта, не принимающих господствующие общественные интересы за верховный закон мышления и поведения,— для них утвердившийся универсум потребностей и способов удовлетворения является фактом, подлежащим проверке — проверке в терминах истинности и ложности. Поскольку эти термины сплошь историчны — исторична и их объективность. Оценка потребностей и способов их удовлетворения при данных условиях предполагает нормы *приоритетности* — нормы, подразумевающие оптимальное развитие индивида, т.е. всех индивидов при оптимальном использовании материальных и интеллектуальных ресурсов, которыми располагает человек. Ресурсы поддаются исчислению. «Истинность» и «ложность» потребностей же обозначают объективные условия в той мере, в которой универсальное удовлетворение первостепенных потребностей и, сверх того, прогрессирующее смягчение тяжелого труда и бедности являются всеобще значимыми нормами. Тем не менее как исторические нормы они не только различаются в зависимости от страны и стадии общественного развития, но также могут быть определены только в (большем или меньшем) *противоречии* с господствующими нормами. Однако какая инстанция вправе претендовать на то, чтобы вынести решение?

Право на окончательный ответ в вопросе, какие потребности истинны и какие ложны, принадлежит самим индивидам,— но только на окончательный, т.е. в таком случае и тогда, когда они свободны настолько, чтобы

1. Новые формы контроля

дать собственный ответ. До тех пор, пока они лишены автономии, до тех пор, пока их сознание — объект внушения и манипулирования (вплоть до глубинных инстинктов), их ответ не может считаться принадлежащим им самим. Однако по этой же причине никакая инстанция не полномочна присвоить себе право решать, какие потребности следует развивать и удовлетворять. Всякий суд достоин недоверия, хотя наш отвод не отменяет вопроса: как могут люди, сами способствующие превращению себя в объект успешного и продуктивного господства, создать условия для свободы¹?

Чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе средства и способы, посредством которых индивиды могли бы скрушить свое рабство и достичь собственного освобождения. Действительно, в-Разум-ить (to impose Reason) все общество — идея парадоксальная и скандальная, хотя и можно оспорить справедливость того общества, которое осмеивает эту идею, в то же время превращая население в объект тотального администрирования. Всякое освобождение неотделимо от осознания рабского положения, и преобладающие потребности и способы удовлетворения, в значительной степени усвоенные индивидом, всегда препятствовали формированию такого сознания. Одна система всегда сменяется другой, но оптимальной задачей остается вытеснение ложных потребностей истинными и отказ от репрессивного удовлетворения.

¹ См. с. 53.

I. Одномерное общество

Отличительной чертой развитого индустриального общества является успешное удушение тех потребностей, которые настаивают на освобождении — освобождении даже и от того, что вполне терпимо или даже несет вознаграждение и удобства,— при поддерживании и разнуждении деструктивной силы и репрессивной функции общества изобилия. Здесь управление обществом вызывает неутолимую потребность в производстве и потреблении отходов, потребность в отупляющей работе там, где в ней больше нет реальной необходимости, потребность в релаксации, смягчающей и продлевющей это отупление, потребность в поддержании таких обманчивых прав и свобод, как свободная конкуренция при регулируемых ценах, свободная пресса, подвергающая цензуре самое себя, свободный выбор между равноценными торговыми марками и ничтожной товарной мелочью при фундаментальном наступлении на потребителя.

Под властью репрессивного целого права и свободы становятся действенным инструментом господства. Для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, но то, что *может* быть выбрано и что *действительно* им выбирается. Хотя критерий свободного выбора ни в коем случае не может быть абсолютным, его также нельзя признать всецело относительным. Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов. Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и

1. Новые формы контроля

страхом,— т.е. если они поддерживают отчуждение. Так же спонтанное воспроизведение индивидом навязываемых ему потребностей не ведет к установлению автономии, но лишь свидетельствует о единственности форм контроля.

Наше настойчивое указание на глубину и эффективность этих форм контроля может вызвать возражение вроде того, что мы в значительной степени переоцениваем внушающую силу «медиа» и что налагаемые на людей потребности могут возникать и удовлетворяться самопроизвольно. Такое возражение упускает суть дела. Преформирование начинается вовсе не с массового распространения радио и телевидения и централизации контроля над ними. Люди вступают в эту стадию уже как преформированные сосуды долгой закалки, и решающее различие заключается в стирании контраста (или конфликта) между данными и возможными; удовлетворяемыми и неудовлетворяемыми потребностями. Здесь свою идеологическую функцию обнаруживает так называемое уравнивание классовых различий. Если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если машинистка загrimирована не менее эффектно, чем дочь ее начальника, если негр владеет «Кадиллаком» и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, но на то, насколько основное население усваивает потребности и способы их удовлетворения, служащие сохранению Истэблишмента.

Бесспорно, в наиболее высокоразвитых странах современного общества трансплантиация общественных

I. Одномерное общество

потребностей в индивидуальные настолько успешна, что различие между ними кажется чисто теоретическим. Можно ли реально провести черту между средствами массовой информации как инструментами информации и развлечения и как агентами манипулирования и воздействия на сознание? Между автомобилем как фактором беспокойства и как удобством? Между ужасами и удобствами функциональной архитектуры? Между работой на национальную безопасность и на процветание корпорации? Между удовольствием частного индивида и коммерческой и политической пользой от увеличения рождаемости?

Мы вновь сталкиваемся с одним из наиболее раздражающих аспектов развитой индустриальной цивилизации: рациональным характером его иррациональности. Его продуктивность, его способность совершенствовать и все шире распространять удобства, превращать в потребность неумеренное потребление, конструктивно использовать разрушение, то, в какой степени, цивилизация трансформирует объективный мир в продолжение человеческого сознания и тела,— все это ставит под сомнение само понятие отчуждения. Люди узнают себя в окружающих их предметах потребления, находят свою душу в своем автомобиле, стереосистеме, квартире с разными уровнями, кухонном оборудовании. Сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом.

Преобладающие формы общественного контроля технологичны в новом смысле. Разумеется, в рамках современного периода истории техническая структура и

1. Новые формы контроля

эффективность продуктивного и деструктивного аппарата играли важнейшую роль в подчинении народных масс установившемуся разделению труда. Кроме того, такая интеграция всегда сопровождалась более явными формами принуждения: недостаточность средств существования, управляемые правосудие, полиция и вооруженные силы,— все это имеет место и сейчас. Но в современный период технологические формы контроля предстают как воплощения самого Разума, направленные на благо всех социальных групп и удовлетворение всеобщих интересов, так что всякое противостояние кажется иррациональным, а всякое противодействие немыслимым.

Неудивительно поэтому, что в наиболее развитых цивилизованных странах формы общественного контроля были интроектированы до такой степени, что стало возможным воздействовать на индивидуальный протест уже в зародыше. Интеллектуальный и эмоциональный отказ «следовать вместе со всеми» предстает как свидетельство невроза и бессилия. Таков социально-психологический аспект политических событий современного периода: исторические силы, которые, как казалось, сулили возможность новых форм существования, уходят в прошлое.

Однако термин «интроекция», по-видимому, уже недостаточен для описания воспроизведения и закрепления индивидом форм внешнего контроля, осуществляемых его обществом. Интроекция, подразумевая разнообразие и до некоторой степени спонтанность процессов, посредством которых Я (Эго) переводит «внешнее» во

I. Одномерное общество

«внутреннее», предполагает, таким образом, существование внутреннего измерения, отличного и даже антагонистичного внешним нуждам, — индивидуальное сознание и индивидуальное бессознательное *помимо* общественного мнения и поведения¹. Здесь реальная основа понятия «внутренней свободы»: оно обозначает личное пространство, в котором человек имеет возможность оставаться «самим собой».

В современную эпоху технологическая реальность вторгается в это личное пространство и сводит его на нет. Массовое производство и распределение претендуют на *всего* индивида, а индустриальная психология уже давно вышла за пределы завода. Многообразные процессы интроекции кажутся отвердевшими в почти механических реакциях. В результате мы наблюдаем не приспособление, но *мимесис*: непосредственную идентификацию индивида со *своим* обществом и через это последнее с обществом как целым.

Непосредственная, автоматическая идентификация, характерная для примитивных форм ассоциирования, вновь возникает в высокоразвитой индустриальной цивилизации; однако эта новая «непосредственность» является продуктом изощренного, научного управления и организации, которые сводят на нет «внутреннее» измерение сознания — основу оппозиции *status quo*. Утрата этого измерения, питающего силу негативного мышления — критическую силу Разума, — является идеологическим соответствием тому материальному процес-

¹ Решающую роль здесь играет перемена функции семьи: «социализация» в значительной степени теперь переходит к внешним сообществам и средствам массовой информации. См. «Эрос и цивилизация».

1. Новые формы контроля

су, в котором развитое индустриальное общество усмиряет и примиряет оппозицию. Под влиянием прогресса Разум превращается в покорность фактам жизни и динамической способности производить больше и больше фактов жизни такого рода. Эффективность системы притупляет способность индивида распознавать заряженность фактов репрессивной силой целого. И если индивиды обнаруживают, что их жизнь формируется окружающими их вещами, то при этом они не создают, но принимают закон явлений — но не закон физики, а закон своего общества.

Я уже высказал ту мысль, что понятие отчуждения является сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И это отождествление — не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия. Теперь существует одно измерение — повсюду и во всех формах. Достижения прогресса пренебрегают как идеологическим приговором, так и оправданием, перед судом которых «ложное сознание» становится истинным.

Однако это поглощение идеологии действительностью не означает «конца идеологии». Напротив, в специфическом смысле развитая индустриальная культура становится даже более идеологизированной, чем ее предшественница ввиду того, что идеология воспроизводит самое себя¹. Провоцирующая форма этого суждения

¹ Theodor W. Adorno, *Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft*. (Frankfurt: Suhrkamp, 1955), S. 24w.

I. Одномерное общество

вскрывает политические аспекты господствующей технологической рациональности. Аппарат производства и производимые им товары и услуги «продают» или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей, доставляя им тем самым большее или меньшее удовольствие, к производителям и через этих последних — к целому. Продукты обладают внушающей и манипулирующей силой; они распространяют ложное сознание, снабженное иммунитетом против собственной ложности. И по мере того, как они становятся доступными для новых социальных классов, то воздействие на сознание, которое они несут с собой, перестает быть просто рекламой; оно становится образом жизни. Это не плохой образ жизни — он гораздо лучше прежнего, — но именно поэтому он препятствует качественным переменам. Как следствие, возникает модель *одномерного мышления и поведения*, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, переопределяемые рациональностью данной системы и ее количественной мерой (*its quantitative extension*).

Параллель этой тенденции можно найти в ходе развития научных методов: операционализм в физике, би-

1. Новые формы контроля

хевиоризм в социальных науках. Их общая черта в totally эмпирической трактовке понятий, значение которых сужается до частных операций и поведенческих реакций. Прекрасной иллюстрацией операциональной точки зрения может служить анализ понятия длины у Бридгемэна:

Очевидно, что нам известно то, что мы подразумеваем под длиной, если мы можем определить длину любого объекта, а для физика ничего другого и не требуется. Для того, чтобы измерить длину какого-либо объекта, следует выполнить некоторые физические операции. Таким образом, понятие длины определяется с определением операций, необходимых для ее измерения: это означает, что понятие длины подразумевает не более чем набор операций, посредством которых устанавливается длина. Вообще говоря, под любым понятием мы подразумеваем не более чем набор операций; *понятие синонимично соответствующему набору операций!*¹

Бридгемэн понимал широкие следствия такого способа мышления для общества в целом:

Принятие операциональной точки зрения предполагает нечто большее, чем просто ограничение обычного способа понимания «понятия», это означает далеко идущие изменения во всех наших мыслительных привычках, в том смысле, что мы отказываемся от использования как инструментов нашего мышления

¹ P. W. Bridgeman, *The Logic of Modern Physics* (New York: Macmillan, 1928), p. 5. С тех пор операциональная доктрина претерпела видоизменения и стала уточненнее. Сам Бридгемэн распространил понятие «операция» на операции «с бумагой и карандашом», производимые теоретиком (Philip J. Frank, *The Validation of Scientific Theories* (Boston: Beacon Press, 1954), Chap. II). Но основная движущая сила сохраняется: остается «желательным», чтобы операции с карандашом и бумагой «могли быть фактически, хотя бы и непрямо, соотнести с инструментальными операциями».

I. Одномерное общество

понятий, о которых мы не можем дать точный отчет в операциональных терминах.¹

Предсказания Бриджмэна сбылись. Новый способ мышления в настоящее время является доминирующей тенденцией в философии, психологии, социологии и других областях. Большое количество понятий, доставляющих наиболее серьезное беспокойство, было «элиминировано» путем демонстрации невозможности дать о них точный отчет в терминах операций или поведенческих реакций. Радикальный натиск эмпиризма (далее в гл. 7 и 8 я вернусь к рассмотрению того, насколько правомерны его притязания на эмпиричность) обеспечивает, таким образом, методологическое оправдание интеллектуалистского развенчания сознания — т.е. для позитивизма, который, отрицая трансцендирующую элемен-тты Разума, формирует академического двойника социально желательного поведения.

За пределами же академической сферы «далеко идущие изменения во всех наших мыслительных привычках» еще более серьезны. Они служат координированию любых идей и целей с идеями и целями, угодными системе, встраивая их в эту систему и отторгая те из них, которые не поддаются приспособлению к ней. Царство подобного одномерного общества не означает господства материализма и отмирания спиритуалистских, метафизических и богемных установок. Напротив, можно видеть огромное число их своеобразных форм «Молимся вместе на этой неделе», «Давайте обратимся к богу», дзэна, экзистенциализма, образа жизни битников и т.п. Однако такие формы протеста

¹ P. W. Bridgeman, *The Logic of Modern Physics*, loc. cit., p. 31.

1. Новые формы контроля

и трансцендирования перестали быть негативными и уже не приходят в противоречие со *status quo*. Скорее они являются церемониальной частью практического бихевиоризма, его безвредным отрицанием, и *status quo* легко переваривает их как часть своей оздоровительной диеты.

Одномерное мышление систематически насаждается изготовителями политики и их наместниками в сфере массовой информации. Универсум их дискурса внедряется посредством самодвижущихся гипотез, которые, непрерывно и планомерно повторяясь, превращаются в гипнотически действующие формулы и предписания. К примеру, «свободными» являются те институты, которые действуют (и приводятся в действие) в Свободном Мире; остальные трансцендирующие формы свободы по определению записываются в разряд анархизма, коммунизма или пропаганды. Подобным образом всякие посягательства на частное предпринимательство, которые исходят не от него самого (или правительственный решений), такие как система всеобщего и всеохватывающего здравоохранения, или защита природы от чрезчур активной коммерциализации, или учреждение общественных услуг, чреватых ущербом для частных прибылей, являются «социалистическими». Подобная тоталитарная логика свершившихся фактов имеет свое восточное соответствие. Там свобода провозглашена образом жизни, установленным коммунистическим режимом, в то время как все остальные трансцендирующие формы свободы объявляются либо капиталистическими, либо ревизионистскими, либо левым сектантством. И в том и в другом лагере неоперационалистские идеи

I. Одномерное общество

воспринимаются как подрывные и изгоняются из образа жизни, а всякое движение мысли останавливается перед барьерами, которые предстают как границы самого Разума.

Подобное ограничение мысли, разумеется, не ново. Как в его спекулятивной, так и эмпирической форме набиравший силу современный рационализм обнаружил поразительный контраст между крайним критическим радикализмом научных и философских методов, с одной стороны, и некритическим квиетизмом перед утвердившимися и функционирующими социальными институтами, с другой. Так декартовское *ego cogitans* вынуждено было оставить нетронутыми «большие общественные тела», по мнению Гоббса, «поддержку и внимание всегда предпочтительнее отдавать настоящему», а Кант согласился с Локком в оправдании революции *в том случае и тогда, когда* она преуспевает в организации целого и предотвращении краха.

Однако такие примирительные концепции Разума всегда находились в противоречии с неприкрытой нищетой и несправедливостью «больших общественных тел» и успешными, более или менее сознательными восстаниями против них. Провоцируя разобщение и способствуя ему в рамках установившегося положения вещей, общественные условия создавали некое личное, а также политическое измерение, в котором это разобщение могло развиться в действенную оппозицию, пытающую свою силу и значимость своих целей.

По мере сворачивания обществом этого измерения самоограничение мышления приобретает все большее

1. Новые формы контроля

значение. Связь между научно-философскими и общественными процессами, между теоретическим и практическим Разумом утверждается «за спиной» ученых и философов. Блокируя как тип оппозиционные действия и формы поведения, общество делает иллюзорными и бессмысленными связанные с ними понятия. Теперь историческое трансцендирование предстает как исключительно метафизическое, неприемлемое для науки и научного мышления. Мы видим, что операциональная точка зрения, действующая в широком масштабе как «мыслительная привычка», начинает предста-вительствовать за весь универсум дискурса и поступка, потребностей и побуждений. Как это не раз случалось, «коварство Разума» обнаруживает свою приверженность интересам властвующих сил. Разворачивается наступление операциональных и бихевиористских понятий, направленное против усилий свободной мысли и образа действий, отталкивающих данную действительность во имя подавляемых альтернатив. В итоге теоретический и практический разум, академический и социальный бихевиоризм встречаются на общей почве — почве развитого общества, превращающего научный и технический прогресс в инструмент господства.

Понятие «прогресса» вовсе не нейтрально, оно пред-следует специфические цели, определяемые возможнос-тями улучшения условий человеческого существования. Развитое индустриальное общество приближается к та-кой стадии, когда продвижение вперед может потребо-вать радикального изменения современного направления и организации прогресса. Эта стадия будет достигнута,

I. Одномерное общество

когда автоматизация материального производства (включая необходимые услуги) сделает возможным удовлетворение первостепенных потребностей и одновременное превращение времени, затрачиваемого на работу, в маргинальное время жизни. Переход через эту точку означал бы трансцендирование техническим прогрессом царства необходимости, внутри которого он служил инструментом господства и эксплуатации, ограничивая этим свою рациональность; за счет этого технология стала бы субъектом свободной игры способностей, направленной на примирение природы и общества.

Такое состояние предвосхищено понятием Маркса «упразднение труда». Однако термин «умиротворение существования» кажется более подходящим для обозначения исторической альтернативы миру, который посредством международного конфликта, трансформирующего и консервирующего противоречия существующих обществ, подталкивает к глобальной войне. «Умиротворение существования» означает развитие борьбы человека с человеком и с природой в таких условиях, когда соперничающие потребности, желания и побуждения уже не преобразовываются в господство и нужду посредством имущественных прав, т.е. означает конец организации, увековечивающей деструктивные формы борьбы.

В современном обществе борьба против этой исторической альтернативы находит устойчивую массовую поддержку в основных слоях населения, а свою идеологию в строгой ориентации мышления и поведения на данный универсум фактов. Усиленный достижениями науки и технологии и оправданный возрастающей производительностью, *status quo* создает препоны для

1. Новые формы контроля

всякого трансцендирования. Зрелое индустриальное общество, сталкиваясь с возможностью умиротворения на основе технических и интеллектуальных достижений, закрывает себя, стремясь избежать этой альтернативы, в результате чего операционализм в теории и практике становится теорией и практикой *сдерживания*. Нетрудно видеть, что под покровом поверхностной динамики этого общества скрывается всецело статическая система жизни — система, приводящая себя в движение с помощью угнетающей производительности и нацеленного на выгоду координирования. Сдерживание технического прогресса идет рука об руку с развитием в утвердившемся направлении и вопреки тем политическим оковам, которые налагает *status quo*; чем более технология становится способной создать условия для умиротворения, тем с большей жесткостью умы и тела людей настраиваются против этой альтернативы.

Повсюду в наиболее развитых странах индустриального общества представлены две следующие черты: тенденция к завершению технологической рациональности и интенсивные усилия удержать эту тенденцию в рамках существующих институтов. В этом и состоит внутреннее противоречие нашей цивилизации, т.е. в иррациональном элементе ее рациональности, которым отмечены все ее достижения. Индустриальное общество, овладевающее технологией и наукой, по самой своей организации направлено на все усиливающееся господство человека и природы, все более эффективное использование ее ресурсов. Поэтому, когда успех этих усилий открывает новые измерения для реализации

I. Одномерное общество

человека, оно становится иррациональным. Организация к миру и организация к войне суть две разные организации, и институты, которые служили борьбе за существование, не могут служить умиротворению существования. Между жизнью как целью и жизнью как средством — непреодолимое качественное различие.

Такой качественно новый способ существования непозволительно рассматривать как простой побочный продукт экономических и политических перемен или более или менее спонтанный эффект введения новых институтов, способных к созданию необходимых предпосылок. Качественная перемена означает также изменение *технической* основы, на которой поконится общество,— основы, на которой держатся экономические и политические институты, стабилизирующие «вторую природу» человека как агрессивного объекта управления. Методы индустриализации суть политические методы, и как таковые они предрещают возможности Разума и Свободы.

Очевидно, что сокращению труда предшествует сам труд, и что развитию человеческих потребностей и возможностей их удовлетворения должна предшествовать индустриализация. Но поскольку всякая свобода зависит от завоевания чуждой этим потребностям и возможностям индивида необходимости, реализация свободы зависит от *методов* этого завоевания. Ибо самая высокая производительность труда может стать средством для его увековечения, а самая эффективная индустриализация может служить ограничению потребностей и манипулированию.

1. Новые формы контроля

Достигая этой точки, господство под маской изобилия и свобод рас пространяется на все сферы частного и публичного существования, интегрирует всякую подлинную оппозицию и поглощает все альтернативы. Становится очевидным политический характер технологической рациональности как основного средства усовершенствования господства, создающего всецело тоталитарный универсум, в котором общество и природа, тело и душа удерживаются в состоянии постоянной мобилизации для защиты этого универсума.

2. Герметизация политического универсума

В обществе тотальной мобилизации, формирование которого происходит в наиболее развитых странах индустриальной цивилизации, можно видеть, как слияние черт Государства Благосостояния и Государства Войны приводит к появлению некоего продуктивного гибрида. Сравнение с его предшественниками не оставляет сомнений в том, что это «новое общество». Традиционные очаги беспокойства здесь стерилизованы или изолированы, а подрывные элементы взяты под контроль. Основные тенденции такого общества уже известны: концентрация национальной экономики вокруг потребностей крупных корпораций при роли правительства как стимулирующей, поддерживающей, а иногда даже контролирующей силы; включение этой экономики в мировую систему военных альянсов, денежных соглашений, технической взаимопомощи и проектов развития; постепенное уподобление синих и белых воротничков, разновидностей лидерства в сферах бизнеса и труда, видов досуга и устремлений различных социальных классов; формирование предустановленной гармонии между образованием и национальной целью; вторжение общественного мнения в частное домашнее

2. Герметизация политического универсума

хозяйство; открытие дверей спальни перед средствами массовой коммуникации.

В политической сфере эта тенденция явственно обнаруживается как унификация и слияние противоположностей. Под угрозой международного коммунизма двухпартийность подминает интересы соперничающих групп во внешней политике и распространяется на внутреннюю политику, где программы крупных партий становятся все менее различимыми даже по степени притворства и духу клише. Это объединение противоположностей сказывается на самой возможности социальных перемен, ибо оно охватывает даже те слои, на чью спину опирается прогресс системы, т.е. те классы, само существование которых было когда-то воплощенной оппозицией системе как целому.

Яркий пример союза и столкновения интересов бизнеса и организованного труда — Соединенные Штаты; в опубликованной Центром по изучению демократических институтов в 1963 г. книге «Труд глазами труда: беседа» читаем следующее:

Случилось так, что профсоюз *в своих собственных глазах* стал почти неотличимым от корпорации. Сегодня мы наблюдаем феномен *совместного лоббизма* профсоюзов и корпораций. Профсоюзу, похоже, уже вряд ли удастся убедить рабочих ракетных предприятий, что компания, для которой они работают, не более чем шайка штрайкбрехеров, ибо и профсоюз и корпорация, пытаясь привлечь также другие отрасли оборонной промышленности, борются за крупные контракты на производство ракет или совместно являются перед Конгрессом и совместно выращивают разрешение на производство ракет вместо бомб или бомб вместо ракет в зависимости от того, какой у них контракт.

I. Одномерное общество

В Великобритании лейбористская партия, соревнуясь с консервативной в заботе о национальных интересах, неспособна отстоять даже скромную программу частичной национализации. Официально отказавшись от марксистской программы, небезуспешно пытается доказать свою респектабельность Социал-демократическая партия Западной Германии, где коммунистическая партия объявлена вне закона. Такова ситуация в ведущих индустриальных странах Запада. На Востоке же постепенное уменьшение доли прямого политического контроля свидетельствует о том, что все больше значения придается действенности технологических форм контроля как инструмента господства. Что же касается сильных коммунистических партий Франции и Италии, то их приверженность программе-минимум, откладываемой революционный приход к власти и солидаризующейся с правилами парламентской игры, также свидетельствует об общей тенденции развития событий.

Однако, хотя и неправильно рассматривать французскую и итальянскую партии как «иностранные» в том смысле, что они во многом зависят от поддержки другой державы, в этой пропаганде непреднамеренно присутствует зерно правды: они иностранные, ибо являются историческими свидетелями прошлого (или будущего?) в настоящей действительности. И их согласие работать в рамках существующей системы объясняется не просто тактическими мотивами и стратегией малого масштаба, а ослаблением их социальной базы и изменением их целей вследствие трансформации капиталистической системы (как и целей Советского Союза, который принял

2. Герметизация политического универсума

эту перемену в политике). Эти национальные коммунистические партии играют историческую роль легальной оппозиции, «осужденной» на не-радикальность, что свидетельствует о глубине и масштабе капиталистической интеграции и условиях, когда качественные различия конфликтующих интересов представляются количественными различиями внутри утвердившегося общества.

Для того, чтобы обнаружить причины такого развития, не требуется глубокого анализа. Конфликты, существовавшие на Западе, частично претерпели модификацию и частично нашли свое разрешение под двойным (и взаимозависимым) влиянием технического прогресса и международного коммунизма. Угроза извне привела к торможению классовой борьбы и консервации «империалистических противоречий». Мобилизованное против этой угрозы капиталистическое общество демонстрирует неведомую предыдущим стадиям индустриальной цивилизации межгосударственную согласованность, которая опирается на материальную почву: а именно, мобилизация против врага действует как могучий стимул производства и трудовой занятости, тем самым поддерживая высокий уровень жизни.

На этой почве формируется универсум администрирования, в котором возрастающая производительность и угроза ядерной войны способствуют контролю над депрессиями и стабилизации конфликтов. Является ли эта стабилизация «временной» в том смысле, что она не затрагивает корней конфликтов, обнаруженных Марксом в капиталистическом способе производства (противоречие между частной собственностью на средства

I. Одномерное общество

производства и общественной формой последнего), или она свидетельствует о трансформации самой антагонистической структуры, разрешающей противоречия и делающей их вполне терпимыми? И если второе соответствует действительности, то каким образом изменилось соотношение капитализма и социализма, в котором последнему отводилась роль исторического отрицания первого?

Сдерживание социальных перемен

В классической теории Маркса переход от капитализма к социализму рассматривается как политическая революция: пролетариат разрушает *политический* аппарат капитализма, сохраняя при этом *технологический* аппарат и подчиняя его целям социализации. Революция обеспечивает определенную непрерывность: в новом обществе технологическая рациональность, освобожденная от иррациональных ограничений и деструктивных функций, сохраняется и совершенствуется. Интересно читать утверждения советских марксистов по поводу этой непрерывности, которая столько же важна для понятия социализма, как и решительное отрицание капитализма:

(1) Хотя развитие технологии определяется экономическими законами данной общественно-экономической формации, оно не прекращается, как другие экономические факторы, с прекращением действия законов этой формации. Когда в ходе революции разрушаются старые производственные отношения, технология остается и, подчиняясь новым экономическим законам, продолжает развиваться со все возрастающей скоростью. (2) В противоположность развитию экономического базиса в антагонистических обществах технология развивается не скачками,

2. Герметизация политического универсума

а путем постепенного накопления элементов нового качества при исчезновении старых элементов. (3) [несущественно в данном контексте].¹

В обществе развитого капитализма воплощением технологической рациональности становится аппарат производства, причем становится вопреки его иррациональному использованию. Это справедливо не только в отношении механизированных заводов, станков и эксплуатации ресурсов, но также в отношении способа труда как приспособления к механизированному процессу, с одной стороны, и управления, организованного как «научный менеджмент», с другой. Ни национализация, ни социализация *сами по себе* не в состоянии изменить это физическое воплощение технологической рациональности; напротив, *последнее* остается предпосылкой социального развития любых производительных сил.

Маркс полагал, что организация аппарата производства «непосредственными производителями» должна привести к *качественным* изменениям в технической непрерывности: а именно, к направлению производства на удовлетворение свободно развивающихся индивидуальных потребностей. Однако в той степени, в которой существующий технический аппарат поглощает публичное и частное существование во всех сферах общества, — т.е. становится средством контроля и сплачивания политического универсума, охватывающего классы трудящихся, — качественные изменения ведут к изменению

¹ A. Zworikine, «The History of Technology as a Science and as a Branch of Learning; a Soviet view», *Technology and Culture*. (Detroit: Wayne State University Press, Winter 1961), p. 2.

I. Одномерное общество

самой технологической структуры. Такая перемена, соответственно, предполагает отчужденность самого бытия классов трудящихся от этого универсума и абсолютную невозможность для их сознания продолжать существование внутри него, так что потребность в качественных переменах становится вопросом жизни и смерти. Таким образом, концепция *предшествования* отрицания самой перемене и развития освободительных исторических сил *внутри* существующего общества является краеугольным камнем теории Маркса¹.

Именно этому новому сознанию, этому «внутреннему пространству», в котором зарождается трансцендирующая историческая практика, преграждает путь современное общество, в котором субъекты заодно с объектами превращены в инструмент целого, опирающегося на *raison d'être* достижений его всепобеждающей производительности. Его главным обещанием является еще более комфортабельная жизнь для все большего числа людей, которые, строго говоря, и не способны вообразить себе иной универсум дискурса и поступка, поскольку сдерживание и манипулирование подрывными усилиями и элементами воображения стало составной частью данного общества. Те же, чья жизнь является собой ад Общества Изобилия, подравниваются под общий порядок путем возрождения жестокой практики средневековья и начала нового времени. Что же касается других классов, которые менее ощущают свою непривилегированность, то об умиротворении их потребности в освобождении общество заботится посредством удовлетворения тех их потребностей, которые делают раб-

¹ См. с. 54.

2. Герметизация политического универсума

ство терпимым и даже незаметным, и причем делает это в самом процессе производства. В наиболее развитых странах индустриальной цивилизации производство приводит к трансформации классов трудящихся, ставшей объектом широкомасштабных социологических исследований. Я попытаюсь перечислить основные факторы этой трансформации:

(1) В процессе механизации происходит непрерывное сокращение расхода физической энергии в труде. Эта эволюция имеет прямое отношение к марксовой концепции рабочего (пролетария). Для Маркса пролетарием является прежде всего работник ручного труда, чья физическая энергия расходуется и истощается в трудовом процессе, даже если он имеет дело с машинами. Покупка и использование этой физической энергии в целях частного присвоения прибавочной стоимости и при недостойных человека условиях вела к отвратительной бесчеловечной эксплуатации; именно против этой мучительности физического труда, против наемного рабства и отчуждения, которое предстает как физиологическое и биологическое измерение классического капитализма, направлены понятия Маркса.

На протяжении прошедших столетий одной из важнейших причин отчуждения было то, что биологическая индивидуальность человеческого бытия была передоверена техническому аппарату: человек стал придатком орудий труда, без чего невозможным было формирование технической структуры. По самой своей природе такая деятельность не могла не иметь как физиологически, так и психологически деформирующего эффекта.¹

¹ Gilbert Simondon, *Du Mode d'existence des objets techniques* (Paris: Aubier, 1958), p. 103.

I. Одномерное общество

В обществе развитого капитализма при все более полной механизации труда, способствующей поддержанию эксплуатации, и установки, и статус эксплуатируемого претерпевают изменение. Внутри технологического целого механизированный труд, большую часть которого (если не целое) составляют автоматические и полуавтоматические реакции, остается в качестве пожизненной профессии изнурительным, отупляющим, бесчеловечным рабством — причем даже более истощительным вследствие увеличения скорости, усиления контроля над машинными операторами (в большей степени, чем над продуктом) и изоляции рабочих друг от друга¹. Такая форма монотонной работы характерна, конечно, для *частичной* автоматизации с одновременным существованием автоматизированных, полуавтоматизированных и неавтоматизированных секций в пределах одного предприятия, но даже в этих условиях «технология заменила мускульную усталость напряжением и/или умственным усилием»². При этом подчеркивается трансформация физической энергии в технические и умственные умения на более передовых заводах:

...умения скорее головы, а не рук, расчета, а не ремесла, нервов, а не мускулов, менеджера, а не работника физического труда, техника, а не оператора.³

Не слишком существенно отличается от этого вида порабощения труд машинистки, банковского кассира,

¹ См. Charles Denby, «Workers Battle Automation» (*News and Letters*, Detroit, 1960).

² Charles R. Walker, *Toward the Automatic Factory* (New Haven: Yale University Press, 1957), p. XIX.

³ *Ibid.*, p. 195.

2. Герметизация политического универсума

назойливого продавца и теледиктора. Стандартизация и рутина сравнивают продуктивные и непродуктивные профессии. На предшествующих этапах развития капитализма пролетарий выполнял роль выночной скотины, трудом своего тела зарабатывая предметы первой необходимости и роскоши и продолжая при этом жить в грязи и бедности. Он был живым приговором своему обществу¹. Напротив, в жизни современного рабочего в развитых странах технологического общества это отрицание гораздо менее заметно; как и другие живые объекты общественного разделения труда, он втянут в технологическое сообщество управляемого населения. Более того, в районах наиболее успешной автоматизации биологическая сторона человека, кажется, становится частью технологического целого. Машина как бы по капле вливает отравляющий ритм в операторов:

По общему согласию взаимозависимые движения группы людей, следующие определенной ритмической модели, доставляют удовольствие — причем совершенно независимо от того, что производится посредством этих движений...²

Социолог-исследователь полагает, что в этом заключается причина постепенного развития общего климата, более «благоприятного как для производства, так и для некоторых важных видов удовлетворения человека».

¹ Мы настаиваем на внутренней связи марксовых понятий эксплуатации и обнищания вопреки позднейшим ревизиям, рассматривавшим обнищание либо как культурный аспект, либо релятивно до такой степени, что оно становилось приложимым только к пригородной жизни с автомобилем, телевидением и т.п. «Обнищание» подразумевает *абсолютную потребность и необходимость низвержения невыносимых условий существования*, которая стоит в начале всех революций и направлена против базовых социальных институтов.

² Charles R. Walker, *loc. cit.*, p. 104.

I. Одномерное общество

Он говорит о «росте сильного группового чувства в каждой бригаде» и цитирует высказывание рабочего: «Вообще говоря, мы живем в ритме вещей...»¹ Эта фраза прекрасно выражает перемену в механическом порабощении: вещи скорее задают ритм, чем угнетают, ритм человеку как инструменту, т.е. не только его телу, но также его уму и даже душе. Глубину этого процесса точно схватывает замечание Сартра:

Вскоре после введения полуавтоматических машин исследования показали, что квалифицированные работницы, предавались во время работы мечтам сексуального характера; им вспоминалась спальня, постель, ночь и все то, что касается только человека в одиночестве двоих, предоставленных самим себе. Но то, что в ней (*en elle*) мечтало о ласке, было только машиной...²

Машинный процесс в технологическом универсуме разрушает внутреннюю личную свободу и объединяет сексуальность и труд в бессознательный, ритмический автоматизм — процесс, соответствующий процессу уподобления профессий.

(2) Впоследствии тенденция уподобления проявляется в стратификации профессиональных занятий. В ключевых промышленных отраслях доля участия рабочей силы «голубых воротничков» падает по сравнению с «белыми воротничками»; происходит увеличение числа непроизводственных рабочих³. Эта качественная пе-

¹ *Ibid.*, p. 104f.

² Jean-Paul Sartre, *Critique de la raison dialectique*, tome I (Paris: Gallimard, 1960), p. 290.

³ *Automation and Major Technological Change: Impact on Union Size, Structure, and Function*. (Industrial Union Dept. AFL-CIO, Washington, 1958) p. 5ff. Solomon Barkin, *The Decline of the Labor Movement* (Santa Barbara, Center for the Study of Democratic Institutions, 1961), p. 10ff.

2. Герметизация политического универсума

ремена связана с изменениями в характере основных инструментов производства¹. На развитой стадии механизации машина как часть технологической деятельности не является

абсолютным единством, но только индивидуализированной технической реальностью, открытой в двух направлениях: (1) отношение к элементам и (2) отношения между индивидами в техническом целом.²

В той степени, в какой машина сама становится системой механических орудий и отношений и, таким образом, выходит далеко за пределы индивидуального процесса труда, она утверждает свое возрастающее господство путем сокращения «профессиональной автономии» работника и интегрирования его вместе с другими профессиями, которые претерпевают воздействие технического ансамбля и вместе с тем направляют его. Разумеется, прежняя «профессиональная» автономия работника была скорее его профессиональным рабством, но в то же время эта *специфическая* форма рабства была источником его специфической, профессиональной силы отрицания: он был в силах остановить процесс, угрожавший ему как человеческому существу уничтожением. В современном обществе работник теряет свою профессиональную автономию, делавшую его членом класса, отделенного от других профессиональных групп, именно потому что такое положение вещей служило воплощенным опровержением существующего общества.

¹ См. с. 32.

² Gilbert Simondon, *loc. cit.*, p. 146.

I. Одномерное общество

Технологические изменения, которые стремятся покончить с машиной как *индивидуальным* инструментом производства, как «абсолютной единицей», по-видимому, лишают значения концепцию Маркса об «органическом составе капитала», а вместе с ней и теорию создания прибавочной стоимости. Согласно Марксу, машина никогда не создает стоимость, но просто передает продукту свою собственную стоимость, в то время как прибавочная стоимость остается результатом эксплуатации живого труда. Машина является воплощением человеческой рабочей силы и благодаря этому прошлому (мертвому) труду она сохраняет себя и определяет живой труд. Нам кажется, что в современном обществе отношение между мертвым и живым трудом качественно меняется вследствие автоматизации, которая ведет к тому, что производительность будет определяться «не индивидуальными усилиями, а машиной»¹. Более того, невозможным становится само измерение индивидуального вклада:

Автоматизация в самом широком смысле означает по своему воздействию *конец* измерения труда... При автоматизации уже нельзя измерить вклад отдельного человека; теперь вы можете измерить только использование оборудования. Если попытаться обобщить это... то мы не находим, например, оснований платить человеку сдельно или почасово, т.е. больше нет оснований сохранять двойную систему выплативания жалований и заработной платы.²

Далее автор этого доклада Дэниел Белл связывает технологические изменения с исторической системой

¹ Serge Mallet, in *Arguments*, no. 12—13, Paris 1958, p. 18.

² *Automation and Major Technological Change*, loc. cit., p. 8.

2. Герметизация политического универсума

самой индустриализации: значение индустриализации стало очевидным не с появлением фабрик, оно

выросло из *измерения труда*. Говорить о современной индустриализации можно тогда, когда может быть измерен труд, когда человека можно связать с работой, взнудзить его, измерить его вклад в терминах произведенных единиц и платить ему сдельно или почасово.¹

В процессе этих технологических изменений решается судьба не только системы оплаты, отношения рабочего к другим классам и организации труда. Решается вопрос совместимости технического прогресса с теми институтами, в рамках которых развивалась индустриализация.

(3) Эти перемены в характере труда и орудий производства изменяют сознание и установки работника, что проявляется в широко обсуждаемой «социальной и культурной интеграции» рабочего класса с капиталистическим обществом. Однако являются ли эти изменения только изменениями в сознании? Утвердительный ответ, который часто дают марксисты, кажется странно непоследовательным.. Можно ли понять такие фундаментальные изменения в сознании без соответствующих изменений в «социальном существовании»? Даже если предположить высокую степень независимости идеологии, связь этой перемены с трансформацией производственного процесса говорит против такой интерпретации. Выравнивание потребностей и устремлений, уровня жизни, видов досуга, политики проистекает от интеграции *внутри предприятия*, в материальном

¹ Ibid.

I. Одномерное общество

процессе производства. Разумеется, трудно себе представить, что о «добровольной интеграции» (Серж Малле) можно говорить иначе, как с ироническим подтекстом. В современной ситуации доминирующими являются негативные черты автоматизации: ускорение, технологическая безработица, усиление позиции менеджмента, растущее состояние бессилия и резиньиции у части рабочих, все меньшие шансы на продвижение, поскольку менеджмент отдает предпочтение инженерам и выпускникам колледжей¹. Однако существуют и другие тенденции. Та же самая технологическая организация, которая способствует работе механического целого, ведет также к большей взаимозависимости, интегрирующей рабочих и завод. Со стороны рабочих отмечается «стремление внести свой вклад в разрешение производственных проблем», «желание активного сотрудничества в приложении своего интеллекта к производственным проблемам технологического характера»³. На некоторых наиболее развитых предприятиях рабочие выказывают имущественный интерес в развитии производства — так называемый часто наблюдаемый эффект «участия рабочих» в капиталистическом предприятии. Для характеристики этой тенденции можно сослаться на в высшей степени американизированные очистительные заводы Калтекс в Амбэ во Франции.

¹ Charles R. Walker, *loc. cit.*, p. 97ff. См. также Ely Chinoy, *Automobile Workers and the American Dream*, (Garden City: Doubleday, 1955) *passim*.

² Floyd C. Mann and L. Richard Hoffman, *Automation and the Worker. A Study of Social Change in Power Plants* (New York, Henry Holt: 1960), p. 189.

³ Charles R. Walker, *loc. cit.*, p. 213f.

2. Герметизация политического универсума

Рабочие этого завода вполне отдают себе отчет о тех узах, которыми они связаны с предприятием:

Профессиональные, социальные, материальные связи: умения, приобретаемые ими на заводе, тот факт, что они привыкают к определенным установившимся производственным отношениям; различные социальные услуги, на которые они могут рассчитывать в случае неожиданной смерти, серьезного заболевания, неспособности трудиться, возраста, только потому что они принадлежат к фирме, которая обеспечивает надежность даже за пределами трудоспособного возраста. Поэтому мысль о живом и нерушимом контакте с Калтекс заставляет их с небывалым вниманием относиться к финансовой стороне управления фирмой. Делегаты «Комитета предприятия» изучают и обсуждают отчеты компании с такой же ревнивой заботой, как и добровестные держатели акций. Вполне понятно, что совет директоров Калтекс может только потирать руки от радости, когда профсоюзы снимают свои требования о повышении зарплаты из-за необходимости новых инвестиций. Однако они начинают выказывать признаки вполне оправданного недовольства, когда те же делегаты слишком серьезно относятся к фальшивым балансовым ведомостям французских отраслей и проявляют беспокойство о заключенных ими невыгодных сделках, осмеливаясь оспаривать производственные затраты и предлагая меры по экономии средств.¹

¹ Serge Mallet, *Le Salaire de la technique//La Nef*, no. 25, Paris 1959, p. 40. По поводу тенденции к интегрированию в Соединенных Штатах можно привести поразительное утверждение лидера профсоюза объединенных автомобильных рабочих: «Много раз... нам пришлось бы встречаться в зале профсоюза для обсуждения жалоб, поданных рабочими. Но ко времени организованной мною на следующий день встречи с управлением, проблема была устранина и профсоюз лишился возможности приписать себе заслугу удовлетворения жалобы. Это превратилось в битву за верность своей стороне... Все, за что боролись мы, компания сама теперь предоставляет рабочим. Нам приходится изыскивать нечто такое, чего хочет рабочий и что наниматель не в состоянии ему предоставить... Мы ищем, ищем». *Labor Looks at Labor. A Conversation* (Santa Barbara: Center for the Study of Democratic Institutions, 1963) p. 16f.

I. Одномерное общество

(4) Таким образом, новый технологический мир труда ведет к ослаблению негативной позиции рабочего класса: последний уже не выглядит живым опровержением существующего общества. Эту тенденцию усиливает эффект технологической организации производства по ту сторону барьера: управление и дирекция. Господство преобразуется в администрирование¹. Капиталистические боссы и собственники теряют отличительные черты ответственных агентов и приобретают функции бюрократов в корпоративной машине. Внутри обширной иерархии исполнительных и управляющих советов, значительно переросших индивидуальную форму управления в формах научной лаборатории и исследовательского института, правительства государства и национальной цели, осаждаемые источники эксплуатации исчезают за фасадом объективной рациональности. Ненависть и фрустрация лишились своих специфических объектов, а воспроизводство неравенства и рабства скрыл технологический покров². Несвобода — в смысле подчинения человека аппарату производства — закрепляется и усиливается, используя технический прогресс как свой инструмент, в форме многочисленных свобод и удобств. Новыми чертами являются всепобеждающая рациональность в этом иррациональном предприятии и глубина преформирования инстинктивных побуждений

¹ Есть ли еще необходимость в разоблачении идеологии «революции управляющих»? Капиталистическое производство осуществляется путем вложения частного капитала для частного извлечения и присвоения прибавочной стоимости; при этом капитал является инструментом господства человека над человеком. Ни распространение акционирования, ни отделение собственности от управления и т.п. не изменили сущностные черты этого процесса.

² См. с. 12.

2. Герметизация политического универсума

и стремлений, скрывающая разницу между ложным и истинным сознанием. Ибо в действительности ни предпочтение административных форм контроля физическим (голод, личная зависимость, сила), ни изменение характера тяжелой работы, ни уподобление профессиональных групп, ни выравнивание возможностей в сфере потребления не компенсируют того факта, что решения по вопросам жизни и смерти, личной и национальной безопасности являются областью, в которую индивиду нет доступа. Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами, ибо рабство определяется

не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи.¹

Это и есть чистая форма рабства: существование в качестве инструмента, вещи. И то, что вещь одушевлена и сама выбирает свою материальную и интеллектуальную пищу, то, что она не чувствует себя вещью, то, что она привлекательна и подвижна, не отменяет сути такого способа существования. И наоборот, по мере того как овеществление стремится стать тоталитарным в силу своей технологической формы, сами организаторы и администраторы обнаруживают все большую зависимость от механизмов, которые они организуют и которыми управляют. В этой взаимной зависимости уже не осталось ничего от диалектического отношения

¹ Froinçois Perroux, *La Coexistence pacifique* (Paris, Presses Universitaires, 1958), vol. III, p. 600.

I. Одномерное общество

между Господином и Слугой, которое было разрушено в борьбе за взаимное признание; это скорее порочный круг, в котором заперты и Господин, и Слуга. Принадлежит ли власть технической элите или тем, кто полагается на нее как на своих проектантов и исполнителей?

...давление современной высокотехнологической гонки вооружений выхватило инициативу и исключительное право принимать ключевые решения из рук ответственных представителей правительства и передало их в руки инженеров, проектировщиков и ученых, нанятых огромными индустриальными империями и ответственных только перед интересами своих нанимателей. Их работа состоит в том, чтобы изобретать новое оружие и убеждать представителей военной профессии, что их будущее, как и будущее их страны, зависит от покупки их изобретений.¹

Если производственные структуры полагаются на военных ради самосохранения и роста, то военные полагаются на корпорации «не только из-за своего оружия, но также из-за знания, какой вид оружия им требуется, сколько оно стоит и в какой срок его можно получить»². Образ порочного круга действительно кажется подходящим для общества, которое обрекает себя на развитие в предустановленном направлении, будучи подталкиваемо растущими потребностями, которые им же порождаются и одновременно сдерживаются.

Перспективы сдерживания

Есть ли какая-нибудь надежда на то, что эта цепь растущей производительности и подавления может быть

¹ Stewart Meacham, *Labor and the Cold War* (American Friends Service Committee, Philadelphia 1959), p. 9.

² *Ibid.*

2. Герметизация политического универсума

прервана? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо мысленно продолжить в будущее направления современного развития, предположив нормальный ход эволюции, т.е. игнорируя весьма реальную возможность ядерной войны. Враг при этом остается «неизменным» — продолжается сосуществование коммунизма с капитализмом. В то же время последний продолжает поддерживать и повышать жизненный уровень все большей части населения, несмотря на расширение объема производства средств разрушения и методически-расточительное потребление природных и людских ресурсов. Вопреки и даже благодаря двум мировым войнам и неизмеримому физическому и интеллектуальному репрессу, вызванному фашистской системой, эта способность только утвердилаась.

Материальными предпосылками этого способа существования общества продолжают оставаться:

- (а) возрастающая производительность труда (технический прогресс);
- (б) рост рождаемости среди основного населения;
- (с) ориентированная на оборону экономика;
- (д) экономико-политическая интеграция капиталистических стран и установление отношений с отсталыми регионами.

Однако продолжающийся конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным и репрессивным использованием неизбежно ведет к усилению власти аппарата над населением, которая проявляется в избавлении от лишних способностей, создании необходимости в покупке товаров, которые

I. Одномерное общество

нужно выгодно продать, а также «воспитанием» желания трудиться для их производства и успеха. Таким образом, система тяготеет одновременно к тотальному администрированию и к тотальной зависимости от администрирования, исходящего от общественных и частных правящих групп и направленного на усиление предустановленной гармонии между интересами больших государственных и частных корпораций и их клиентов и слуг. До тех пор, пока труд сам остается опорой и утверждающей силой, изменить эту систему господства не способны ни частичная национализация, ни расширение участия трудящихся в управлении и распределении прибыли.

В цивилизации действуют некоторые центробежные тенденции, направленные как вовнутрь, так и вовне, и одной из них, присущей техническому прогрессу как таковому, является *автоматизация*. Я уже говорил о том, что распространение автоматизации представляет собой не просто количественный рост механизации, но изменения в характере базисных производительных сил¹. Начинает казаться, что автоматизация, дошедшая до грани технических возможностей, несовместима с обществом, основанным на частной эксплуатации человеческого труда в процессе производства. Почти за столетие до того, как автоматизация стала реальностью, Маркс сумел разглядеть ее преобразующие возможности:

Развитие крупной промышленности, создание реального богатства в значительно меньшей степени зависят от количества затраченного рабочего времени, чем от моц тех инструментов

¹ См. с. 37.

2. Герметизация политического университета

труда (*Agentien*), которые приводятся в движение в течение трудового дня. Эти средства труда и их эффективность ни в коей мере не пропорциональны непосредственному рабочему времени, которое требуется для их производства; их эффективность зависит скорее от достигнутого уровня научного развития и технологического прогресса; иными словами, от применения достижений этой науки в производстве... Человеческий труд больше не включен в процесс производства — человек видит себя в отношении к этому процессу как контролер и регулятор (*Wächter und Regulator*)... Он находится вне процесса производства вместо того, чтобы быть его принципиальным действующим лицом... В этой трансформации основной опорой, на которой держится производство и богатство, теперь является не труд, выполняемый непосредственно самим человеком, и не количество затраченного на труд времени, но использование его универсальной производительной силы (*Produktivkraft*), т.е. его знания и его власти над природой, основывающейся на его общественном существовании,— одним словом, развития общественного индивидуума (*des gesellschaftlichen Individuums*). В этом случае *приисвоение рабочего времени другого человека, на котором до сего дня покоятся богатство общества*, предстает жалким средством в сравнении с тем новым базисом, созданным крупной промышленностью для себя самой. Как только человеческий труд в его непосредственной форме перестанет быть основным источником богатства, время труда перестанет и необходимо должно перестать быть мерой богатства, так же как обменная стоимость должна необходимо перестать быть мерой потребительной стоимости. Таким образом, *прибавочный труд массы* [населения] уже больше не является условием развития общественного богатства (*des allgemeinen Reichtums*), так же как праздность немногих уже не является условием развития универсальных интеллектуальных способностей человека. Следовательно, способ производства, который основывается на обменной стоимости, терпит крушение...¹

¹ Karl Marx, *Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie* (Berlin, Dietz Verlag, 1953) S. 592-3. См. также с. 596.

I. Одномерное общество

Автоматизация действительно представляется великим катализатором развитого индустриального общества, закладывающим материальную базу качественной перемены скачкообразным или иным путем. Автоматизация — это технический инструмент перехода от количества к качеству, ибо социальный процесс автоматизации выражает трансформацию или даже транссубстанциацию энергии труда, вследствие чего последний, отделившись от индивида, сам становится независимым объектом и субъектом производства.

Автоматизация, овладев процессом материального производства, способна революционизировать все общество. Доведенное до совершенства овеществление энергии человеческого труда могло бы разбить овеществленные формы, обрубив цепи, связывающие индивида с машиной, с механизмом, который порабощает его посредством его собственного труда. Полная автоматизация в царстве необходимости открыла бы новое измерение — измерение свободного времени, в котором произошло бы самоопределение частного и общественного существования человека.

На современном этапе развитого капитализма организованный рабочий класс противостоит автоматизации, что оправдано создаваемой ею безработицей. Таким образом, настаивая на широком использовании энергии человеческого труда в материальном производстве, рабочий класс противостоит техническому прогрессу, но тем самым также и более эффективному использованию капитала и повышению производительности труда. Иными словами, продолжительное сдерживание автоматизации может ослабить конкурентную по-

2. Герметизация политического универсума

зицию капитала внутри страны и на международной арене, а следовательно — вызвать долгосрочную депрессию и возобновить конфликт классовых интересов.

Эта возможность становится тем более реалистичной, чем дальше спор между капитализмом и коммунизмом смещается из военной в социальную и экономическую сферу. В силу тотального администрирования автоматизация в советской системе может по достижении определенного технического уровня пойти с неудержимой скоростью. Эта угроза позициям Западного мира в международном соперничестве заставила бы его ускорить рационализацию процесса производства, которая наталкивается на жесткое, хотя и не сопровождающееся политической радикализацией сопротивление со стороны труда. По крайней мере в Соединенных Штатах лидеры рабочего движения в своих целях и средствах не выходят за пределы общенациональных и групповых интересов при подчинении последних первым. Эти центробежные силы по-прежнему вполне поддаются управлению в рамках названных интересов.

И здесь сокращение участия силы человеческого труда в процессе производства означает упадок силы политической оппозиции. Ввиду повышения роли белых воротничков в этом процессе политическая радикализация возможна только с появлением независимого политического сознания и действия в группе белых воротничков, что в развитом индустриальном обществе представляется маловероятным. Активизация движения, стремящегося организовать растущий элемент белых воротничков в промышленные союзы¹, при самом боль-

¹ *Automation and Major Technological Change*, loc. cit., p. 11f.

I. Одномерное общество

шом успехе может привести к развитию у этих групп тред-юнионистского сознания, но вряд ли приведет к их политической радикализации.

В политическом плане присутствие в трудовых союзах большего числа работников в белых воротничках даст либералам и представителям рабочих шанс верно идентифицировать «интересы рабочего класса» с интересами сообщества как целого. По мере расширения массовой базы рабочего класса в качестве группы давления представитель рабочих неизбежно окажется вовлеченным в большое количество сделок с далеко идущими последствиями по вопросам национальной политики и экономики.¹

В этих условиях перспективы отрегулированного сдерживания центробежных тенденций зависят прежде всего от возможности приспособить имущественные интересы и их экономику к требованиям Государства Благосостояния. К ним принадлежат значительно увеличенные правительственные расходы и функции, планирование в государственном и международном масштабе, расширенная программа зарубежной помощи, всеобъемлющая социальная защита, широкомасштабные общественные работы и, возможно, даже частичная национализация². По моему мнению, господствующие силы постепенно, хотя и не без колебаний, примут эти требования, доверив свои прерогативы более действенной силе.

¹ C. Wright Mills, *White Collar* (New York: Oxford University Press, 1956), p. 319f.

² В менее развитых капиталистических странах, где по-прежнему силен сектор воинственного рабочего движения (Франция, Италия), его сила направлена против ускоряющейся технологической и политической рационализации в авторитарной форме. Необходимость соперничества на международной арене, вероятно, усилит последнюю и приблизит ее согласие и союз с доминирующими тенденциями в наиболее развитых индустриальных странах.

2. Герметизация политического универсума

Возвращаясь в нашем обсуждении к перспективам сдерживания социальных перемен в иной системе индустриальной цивилизации, в советском обществе¹, мы с самого начала сталкиваемся с двойной трудностью сравнения: (а) хронологической, так как советское общество находится на более ранней стадии индустриализации, а значительный его сектор на дотехнологической стадии, и (б) структурной, так как оно имеет существенно иные экономические и политические институты (тотальная национализация и диктатура).

Взаимосвязь между этими двумя аспектами дополнительно усугубляет трудность анализа. Историческая отсталость не только позволяет, но даже вынуждает советскую индустриализацию развертываться без планирования уровня потребления и морального износа, без ограничений производительности, налагаемых интересами частных прибылей, но при планировании удовлетворения первостепенных потребностей после, а возможно, даже одновременно с удовлетворением приоритетных военных и политических потребностей.

Является ли эта еще большая рациональность только знаком и преимуществом исторической отсталости, которая, вероятно, исчезнет при достижении более высокого уровня развития? Является ли эта историческая отсталость, одновременно и тем, что побуждает — в условиях соревновательного сосуществования с развитым капитализмом — к всесторонней разработке ресурсов и контролю над ними со стороны диктаторского режима? И окажется ли советское общество способным,

¹ В связи с дальнейшим см. мою работу *Soviet Marxism* (New York: Columbia University Press, 1958.).

I. Одномерное общество

достигнув осуществления лозунга «догнать и перегнать», либерализовать тоталитарные формы контроля настолько, чтобы стали возможными качественные перемены?

Аргумент исторической отсталости — согласно которому в условиях материальной и интеллектуальной незрелости путь к освобождению лежит через силовые методы управления — является не только ядром советского марксизма, но также и всех теоретиков «воспитательной диктатуры» от Платона до Руссо. Над ним можно посмеяться, но его нелегко опровергнуть, поскольку ему принадлежит заслуга нелицемерного признания реальности тех условий (материальных и интеллектуальных), которые служат предотвращению подлинного и разумного самоопределения.

Более того, этот аргумент разоблачает репрессивную идеологию свободы, согласно которой человеческая свобода может успешно осуществляться в условиях изнурительного труда, бедности и отупляющей пропаганды. Разумеется, для того, чтобы стать свободным, общество должно прежде всего создать материальные предпосылки свободы, *создать* богатства еще до того, как оно станет способным *распределить* их в соответствии со свободно развивающимися потребностями индивида; оно должно сделать рабов способными учиться, видеть и думать, прежде чем они поймут, что происходит и что они сами могут сделать для того, чтобы изменить это. И в той степени, в какой для рабов была предуготовлена роль рабов и довольствование этой ролью, их освобождение необходимо должно прийти извне и сверху. Их необходимо «принудить к тому, чтобы стать свободными» и «увидеть вещи такими, как они есть, а иногда

2. Герметизация политического универсума

такими, как они должны видеться», им нужно показать «дорогу добра», которую они ищут¹.

Но несмотря на всю свою справедливость, этот аргумент не может ответить на освященный временем вопрос: кто воспитал воспитателей и где доказательство того, что в их руках «добрь»? Этот вопрос нельзя снять утверждением, что он в равной степени приложим к определенным демократическим формам правления, где судьбоносные решения относительно того, что хорошо для нации, принимаются (или, скорее, утверждаются) избранными представителями — избранными в условиях эффективной и свободно принятой обработки сознания. Единственным возможным (и весьма слабым!) оправданием «воспитательной диктатуры» является то, что страшный риск, который она влечет за собой, едва ли страшнее, чем тот риск, на который идут сейчас великие либеральные, а также авторитарные общества; цена этого риска едва ли намного выше.

Однако диалектическая логика вопреки языку грубых фактов и идеологии настаивает, что рабы еще до того, как они станут свободными, уже должны быть *свободны* для своего освобождения и что цель должна жить в средствах для того, чтобы быть достигнутой. Это *a priori* и утверждает положение Маркса о том, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Социализм должен стать реальностью с первым актом революции, так как он должен уже существовать в сознании и действиях носителей революции.

¹ Rousseau, *The Social Contract*, Book I, Chap. VII; Book II, Chap. VI.

I. Одномерное общество

Действительно, в «первой фазе» социалистического строительства новое общество «сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»¹, но уже с ее началом происходят качественные изменения от старого к новому обществу, уже в ней закладывается фундамент «второй фазы». Качественно новый способ жизни, рождаемый новым способом производства, обнаруживается в социалистической революции, которая является концом и в конце капиталистической системы. Уже с первой фазой революции начинается социалистическое строительство.

По той же причине смена лозунга «от каждого по способностям» на лозунг «каждому по потребностям» определяется первой фазой — не только созданием технологической и материальной базы, но также (и это главное!) способом ее создания. Именно переход контроля над процессом производства к «непосредственным производителям» отмечает начало развития, которое отделяет историю свободных людей от предыстории человека. В этом обществе прежние объекты производительности впервые становятся индивидуальностями, планирующими и использующими свой труд для реализации своих собственных человеческих потребностей и способностей. Впервые в истории люди обрели бы свободу для того, чтобы вместе работать под давлением необходимости, ограничивающей их свободу и их человечность и против нее. Поэтому всякое подавление, налагаемое необходимостью, стало бы в действительности самоналагаемой необходимостью. Однако вопреки

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс, Соч., М., 1961, т. 19., с. 18.

2. Герметизация политического универсума

этой концепции действительное развитие в теперешнем коммунистическом обществе откладывает (или вынуждено откладывать в силу международной ситуации) качественную перемену до второй фазы, и переход от капитализма к социализму, несмотря на революцию, по-прежнему предстает как количественная перемена. Человек по-прежнему порабощен инструментами своего труда, и это порабощение происходит в высоко рационализированной, эффективной и многообещающей форме.

Тerrorистические черты сталинской индустриализации могут быть объяснены ситуацией враждебного сосуществования, но тем самым были приведены в движение силы, которые стремятся увековечить технический прогресс как инструмент господства; средства такого рода обусловливают вырождение цели. Если, как мы предположили, ядерная война или иная катастрофа не прервет развитие технического прогресса, то он поведет к устойчивому повышению уровня жизни и постепенной либерализации форм контроля. В национализированной экономике возможна эксплуатация труда и капитала без структурного сопротивления¹ и при значительном сокращении рабочего времени и увеличении числа бытовых удобств. При этом вовсе не обязателен отказ от тотального администрирования. Нет также оснований предполагать, что технический прогресс и национализация «автоматически» приведут к освобождению негативных сил. Напротив, противоречие между растущими производительными силами и их

¹ О различиях между встроенным и управляемым сопротивлением см. мою работу *Soviet Marxism*, loc. cit., p. 109ff.

I. Одномерное общество

порабощающей организацией — открыто признаваемое даже Сталиным¹ чертой развития советского социализма, — по-видимому, склонно скорее к выравниванию, чем к обострению. Чем в большей степени правящие классы способны обеспечивать постоянное наличие товаров потребления, тем крепче становится связь основного населения с различными управляющими бюрократиями.

Но если эти перспективы сдерживания качественных перемен в советской системе кажутся сходными с перспективами развитого капиталистического общества, то социалистическая база производства позволяет говорить о решающем различии. В советской системе «непосредственные производители» (трудящиеся) безусловно отделены организацией производства от контроля над средствами производства, что способствует, таким образом, классовым различиям в самом базисе системы. Это отделение было установлено силой политических решений после короткого «героического периода» большевистской революции и закрепилось с того времени. Однако не в этом двигатель производственного процесса как такового; это отделение не встроено в процесс производства как разделение между трудом и капиталом, происходящее из существования института частной собственности на средства производства. Следовательно, правящие слои сами отделены от процесса производства, т.е. они могут сменяться без взрыва базисных институтов общества.

¹ «Economic Problems of Socialism in the U.S.S.R.» (1952)//Leo Grulio ed. *Current Soviet Policies*, (New York: F. A. Praeger, 1953), p. 5, 11, 14.

2. Герметизация политического универсума

Развиваемый советским марксизмом тезис о том, что преобладающие противоречия между «отстающими производственными отношениями и характером производительных сил» могут быть разрешены без взрыва и что «согласие» между этими двумя факторами может быть достигнуто путем «постепенных изменений»¹, соответствует действительности лишь наполовину. Другая половина истины заключается в том, что количественной перемене все еще предстоит перейти в качественную, в исчезновение Государства, Партии, Плана и прочих независимых форм власти, налагаемых на индивидов. Поскольку такая перемена должна оставить нетронутым материальный базис общества (национализированный производственный процесс), это означает «политическую» революцию. И если бы она повела к самоопределению в самом фундаменте человеческого существования, а именно, в измерении (*dimension*) необходимого труда, это была бы самая радикальная и самая полная революция в истории. Распределение предметов необходимости независимо от выполняемого труда, сокращение до минимума рабочего времени, универсальное всестороннее образование, стремящееся к взаимозаменимости функций — таковы предпосылки, но еще не содержание самоопределения. И если создание этих предпосылок может быть результатом принуждающего управления, то их становление означало бы его конец. Разумеется, это не уничтожило бы зависимости зрелого индустриального общества от разделения труда, несущего с собой неравенство функций, которое вынуждается действительными социальными потребностями,

¹ *Ibid.*, p. 14f.

I. Одномерное общество.

техническими требованиями и физическими и умственными различиями между индивидами. Однако организаторская и надзирающая функции лишились бы привилегии управления жизнью других в каких-то особых интересах. Такого рода переход имел бы скорее революционный, чем эволюционный характер, даже если бы он произошел на основе полностью национализированной и плановой экономики.

Правомерно ли предположить, что коммунистическое общество в его существующих формах сумеет (или, скорее, будет вынуждено международной ситуацией) развить условия, способствующие такому переходу? Мы видим сильные аргументы против такого предположения. Можно выделить сильное сопротивление окопавшейся бюрократии, сопротивление, находящее свой *raison d'être* на той самой почве, которая питает тенденцию, способствующую созданию предпосылок освобождения, а именно, соревнование не на жизнь, а на смерть с капиталистической системой.

Мы вполне можем обойтись без понятия врожденного «движущего влечения» (power-drive) в человеческой природе, поскольку это в высшей степени двусмысленное психологическое понятие, которое принципиально не подходит для анализа социальных явлений. Вопрос состоит не в том, «откажется» ли бюрократия от своего привилегированного положения при достижении возможной качественной перемены, но сможет ли она воспрепятствовать этой перемене. Для этого ей необходимо приостановить материальный и интеллектуальный рост в той точке, где господство еще является рациональным и обеспечивающим прибыль, где основное население

2. Герметизация политического универсума

по-прежнему привязано к своей работе и к интересам государства или существующих институтов. И здесь опять-таки решающим фактором кажется глобальная ситуация сосуществования, давно уже ставшая *внутренним* фактором ситуации двух противостоящих обществ. Потребность в неудержимом использовании технического прогресса и в выживании благодаря более высокому уровню жизни может оказаться сильнее, чем сопротивление институционализированных бюрократий.

Я бы хотел добавить несколько замечаний к часто встречающемуся мнению о том, что новое развитие отсталых стран способно не только изменить перспективы развитых индустриальных стран, но также и создать «третью силу», которая может приобрести относительную независимость. Выражаясь в терминах предшествующего обсуждения: существуют ли свидетельства того, что бывшие колониальные или полуколониальные страны могут воспринять путь индустриализации, отличный от капитализма и теперешнего коммунизма? Может ли что-нибудь в местной культуре или традиции этих государств дать указание на такую альтернативу? В своем ответе я ограничусь моделями отсталых стран, переживающих индустриализацию в настоящее время, т.е. стран, в которых индустриализация сосуществует с не нарушенной до- и антииндустриальной культурой (Индия, Египет).

Эти страны вступили на путь индустриализации при непонимании населением ценностей само́я себя движущей производительности, эффективности и рациональности. Иными словами, с населением, которое еще не превратилось в рабочую силу, отделенную от средств

I. Одномерное общество

производства. Могут ли такие условия благоприятствовать слиянию индустриализации и освобождения, т.е. существенно новой форме индустриализации, которая создала бы аппарат производства, согласующийся не только с первостепенными потребностями основного населения, но также с целью умиротворения борьбы за существование?

Индустриализация в этих отсталых странах происходит не в вакууме, но в такой исторической ситуации, когда социальный капитал, требующийся для первоначального накопления, должен быть получен в основном извне, от капиталистического или коммунистического блока — или от обоих. Более того, понятно, что сохранение независимости требует *ускоренной* индустриализации и достижения уровня производительности, который бы обеспечивал хотя бы относительную автономию в условиях соревнования двух гигантов.

При таких обстоятельствах преобразование слаборазвитых обществ в индустриальные должно как можно быстрее отбросить дотехнологические формы. Это особенно существенно для стран, которые очень далеки от возможности удовлетворить даже самые важные потребности населения и где ужасающее низкий уровень жизни требует прежде всего количества *en masse*, механизированного и стандартизованного массового производства и распределения. Но в этих же странах мертвый груз дотехнологических и даже до-«буржуазных» обычая и условий создает сильное сопротивление такому навязываемому сверху развитию. Машинный процесс (как процесс социальный) требует всеобщего повиновения системе анонимной власти, т.е. требует тотальной

2. Герметизация политического универсума

секуляризации и еще не санкционированного разрушения ценностей и институтов. Можно ли, таким образом, обоснованно предположить, что под воздействием двух великих систем тотального технологического управления разложение этого сопротивления приобретет освободительные и демократические формы? Что слаборазвитые страны окажутся способными сделать исторический скачок из дотехнологического в посттехнологическое общество, в котором подконтрольный технологический аппарат обеспечит базис для подлинной демократии? Напротив, навязываемое сверху развитие этих стран заставляет скорее думать о начале периода тотального администрирования еще более жесткого и связанного с насилием, чем пережитый развитыми обществами, за спиной которых были достижения эпохи либерализма. Подведем итоги: отсталые страны вероятнее всего примут одну из различных форм неоколониализма или более или менее террористическую систему первоначального накопления.

Однако, кажется, существует возможность другой альтернативы¹. Если индустриализация и распространение технологии в отсталых странах столкнется с сильным сопротивлением местных, традиционных форм жизни и труда,— сопротивление, которое не угасает даже ввиду весьма ощущимых перспектив лучшей и более легкой жизни — есть ли вероятность того, что сама эта дотехнологическая традиция станет источником прогресса и индустриализации?

¹ По поводу дальнейшего см. замечательные книги Рене Дюмона, в особенности *Terres vivantes* (Paris: Plon, 1961).

I. Одномерное общество

Для такой неевропейской формы прогресса необходима политика планового развития, которая вместо навязывания технологии традиционным формам жизни и труда совершенствовала бы их, исходя из их собственных оснований и устранив силы угнетения и эксплуатации (материальные и религиозные), препятствовавшие развитию человеческого существования. Предпосылками этого могли бы стать социальная революция, аграрная реформа и смягчение последствий перенаселенности, но не индустриализация по модели развитых обществ. Безусловно возможной такая форма прогресса кажется там, где природные ресурсы, не затронутые разорительным посягательством, достаточны не только для поддержания существования, но для того, чтобы обеспечить человеческую жизнь. Там же, где дела обстоят иначе, этого можно было бы добиться благодаря постепенному и частичному применению технологий в рамках традиционных форм.

В этом случае смогли бы развиться условия, которых нет (и никогда не было) в старых и развитых индустриальных обществах — а именно, «непосредственные производители» получили бы шанс создать своим собственным трудом и досугом собственный прогресс и определить его темп и направление. Благодаря такому, опирающемуся на базис, самоопределению «труд по необходимости» мог бы перерости в «труд для удовлетворения».

Однако даже в таких абстрактных предположениях нельзя не увидеть неумолимости границ этого самоопределения. Начало революции, которая должна путем

2. Герметизация политического универсума

уничтожения умственной и материальной эксплуатации создать предпосылки нового развития, вряд ли возможно как спонтанный акт. Более того, такая форма прогресса предполагает перемены в политике двух великих индустриально могучих блоков, которые определяют сегодня лицо мира, т.е. отказ от неоколониализма во всех его формах. В настоящее время мы не видим никаких указаний на это.

Государство Благосостояния и Войны

Резюмируя, можно сказать, что перспективы сдерживания перемен, определяемые политикой технологической рациональности, зависят от перспектив Государства Благосостояния и его способности к повышению уровня *управляемой* жизни. Эта способность присуща всем развитым индустриальным обществам, в которых налаженный технический аппарат — утвердившийся как отдельная власть над индивидами — зависит от усиливающегося развития и распространения производительности. В этих условиях упадок свободы и оппозиции следует рассматривать не в связи с ухудшением нравственного и интеллектуального климата или коррупцией, но скорее как объективный общественный процесс, поскольку производство и распределение все растущего числа товаров и услуг укрепляют позицию технологической рациональности.

Однако при всей своей рациональности Государство Благосостояния является государством несвободы, поскольку тотальное администрирование ведет к систематическому ограничению: (а) «технически» наличного

I. Одномерное общество

свободного времени¹; (б) количества и качества товаров и услуг, «технически» наличных для удовлетворения первостепенных потребностей индивидов; (с) интеллекта (сознательного и бессознательного), способного понять и реализовать возможности самоопределения.

Позднее индустриальное общество скорее увеличило, чем сократило потребность в паразитических и отчужденных функциях (если не для индивида, то для общества в целом). Реклама, межчеловеческие отношения, воздействие на сознание, запланированное устаревание уже не воспринимаются как непроизводственные накладные расходы, но скорее как элементы расходов базисного производства. Для эффективности такого производства, обеспечивающего социально необходимое избыточное потребление, требуется непрерывная рационализация, т.е. безжалостная эксплуатация развитой науки и техники. Вот почему с преодолением определенного уровня отсталости повышение жизненного стандарта становится побочным продуктом политических манипуляций над индустриальным обществом. Возрастающая производительность труда создает увеличивающийся прибавочный продукт, который обеспечивает возрастание потребления независимо от частного или централизованного способа присвоения и распределения и все большего отклонения производительности. Такая ситуация снижает потребительную стоимость свободы; нет смысла настаивать на самоопределении, если

¹ «Свободное» время не означает время «досуга». Последнему развитое индустриальное общество максимально благоприятствует, но, однако же, оно не является свободным в той мере, в какой оно регулируется бизнесом и политикой.

2. Герметизация политического универсума

управляемая жизнь окружена удобствами и даже считается «хорошей» жизнью. В этом заключаются рациональные и материальные основания объединения противоположностей и одномерного политического способа действий. Трансцендирующие политические силы за консервированы *внутри* этого общества, и качественные перемены кажутся возможными только как перемены *извне*.

Противопоставление Государству Благополучия абстрактных идей свободы вряд ли убедительно. Утрата экономических и политических прав и свобод, которые были реальным достижением двух предшествующих столетий, может показаться незначительным уроном для государства, способного сделать управляемую жизнь безопасной и комфортабельной¹. Если это управление обеспечивает наличие товаров и услуг, которые приносят индивидам удовлетворение, граничащее со счастьем, зачем им домогаться иных институтов для иного способа производства иных товаров и услуг? И если преформирование индивидов настолько глубоко, что в число товаров, несущих удовлетворение, входят также мысли, чувства, стремления, зачем же им想要 мыслить, чувствовать и фантазировать самостоятельно? И пусть материальные и духовные предметы потребления — негодный, расточительный хлам, — разве *Geist** и знание могут быть вескими аргументами против удовлетворения потребностей?

Основанием критики Государства Благополучия в терминах либерализма и консерватизма (с приставкой

¹ См. с. 2.

* Дух (нем.).

I. Одномерное общество

«нео-» или без нее) является существование тех самых условий, которые Государство Благополучия оставило позади,— а именно, более низкой степени социального богатства и технологии. Однако зловещие аспекты этой критики проявляются в борьбе против всеохватывающего социального законодательства и соответствующих правительственныеых расходов на службы, отличные от оборонной сферы.

Таким образом, обличение средств угнетения, присущих Государству Благополучия, служит защите средств угнетения *предшествующего* ему общества. На стадии наивысшего развития капитализма общество является системой подавляемого плюрализма, в которой институты состязаются в укреплении власти целого над индивидом. Тем не менее для управляемого индивида плюралистское администрирование гораздо предпочтительнее тотального. Один институт может стать для него защитой от другого; одна организация — смягчить воздействие другой; а возможности бегства и компенсации можно просчитать. Все-таки власть закона, пусть ограниченная, бесконечно надежнее власти, возвышающейся над законом или им пренебрегающей.

Однако ввиду преобладающих тенденций следует поставить вопрос: не способствует ли вышеуказанная форма плюрализма его разрушению. Без сомнения, развитое индустриальное общество является системой противоборствующих сил, которые, однако, взаимоуничтожаются, объединяясь на более высоком уровне,— в общих интересах, направленных на защиту и укрепление достигнутой позиции, на борьбу с историческими альтернативами, на сдерживание качественных изменений.

2. Герметизация политического универсума

Сюда не относятся силы, противодействующие целому¹. Уравновешивающие силы стремятся привить целому иммунитет против отрицания, [идущего] как изнутри, так и извне; внешняя политика сдерживания предстает тогда как продолжение аналогичной внутренней политики.

Становясь идеологической, обманчивой, действительность плюрализма, кажется, еще более усиливает, а не сокращает манипулирование и координирование, противодействуя роковой интеграции. Свободные институты состязаются с авторитарными, стремясь превратить образ Врага в могучую силу *внутри* системы. Эта смертоносная сила стимулирует рост и инициативу [в производстве], но не с помощью увеличения и экономического влияния оборонного «сектора», а посредством превращения общества в целом в обороняющееся общество. Ибо Враг существует постоянно,— не только в чрезвычайной ситуации, но также и при нормальном положении дел. Он равно угрожает как во время войны, так и в мирное время (причем, пожалуй, больше, чем в военное); он, таким образом, встраивается в систему как связующая ее сила.

Эта угроза извне нимало не способствует ни росту производительности труда, ни повышению уровня жизни, но она незаменима как инструмент увековечения рабства и сдерживания социальных изменений. Враг является общим знаменателем всех деяний и недеяний. Его нельзя отождествить с действительным коммунизмом

¹ В отношении критической и реалистической оценки идеологической концепции Гэлбрейта см. Earl Latham, «The Body Politic of the Corporation»//E. S. Mason, *The Corporation in Modern Society* (Cambridge: Harvard University Press, 1959), p. 223, 225f.

I. Одномерное общество

или капитализмом; в обоих случаях он — реальный призрак освобождения.

Повторю еще раз: пораженное безумием целое санкционирует безумность частных проявлений и превращает преступления против человечества в рациональную предприимчивость. Когда люди, надлежащим образом стимулируемые государственной и частной властью, готовятся к жизни в состоянии тотальной мобилизации, то тем самым они проявляют известную разумность и не только ввиду реальности Врага, но также потому, что способствуют развертыванию возможностей промышленности и развлекательной индустрии. Рациональными тогда становятся даже самые безумные расчеты: уничтожение пяти миллионов человек можно предпочесть уничтожению десяти, двадцати и т.д. И пустое занятие пытаться доказать, что цивилизация, оправдывающая такого рода самозащиту, провозглашает свой собственный конец.

В этих обстоятельствах даже существующие свободы и формы отклонения оказываются к месту внутри организованного целого. Достаточно поставить вопрос: является ли соревнование на настоящем этапе организации рынка фактором, смягчающим или обостряющим гонку за большим и скорейшим оборотом и моральным износом? Состязаются ли политические партии за воцарение мира или за усиленную и дорогостоящую военную промышленность? Если верны первые альтернативы, то современная форма плюрализма усиливает способности сдерживания качественных изменений и, таким образом, скорее предотвращает, чем подталкивает

2. Герметизация политического универсума

«катастрофу» самоопределения. Демократия в этом случае является наиболее эффективной формой господства.

Образ Государства Благосостояния, набросанный на ми на предшествующих страницах,— это образ исторического мутанта организованного капитализма и социализма, рабства и свободы, тоталитаризма и счастья. Его возможности достаточно ясно обозначены преобладающими тенденциями технического прогресса, хотя и находятся под угрозой некоторых взрывоопасных сил. Наибольшая опасность исходит, конечно, от подготовки к ядерной войне, которая может стать реальностью: ведь средство запугивания служит также подавлению усилий, направленных на сокращение *потребности* в этом средстве. Существуют и другие факторы, которые могут создать препятствия для приятного сочетания тоталитаризма и [личного] счастья, манипулирования и демократии, гетерономии и автономии — словом,увековечения предустановленной гармонии между организованным и спонтанным поведением, преформированной и свободной мыслью, внешней целесообразностью и внутренним убеждением.

Даже на наивысшей ступени организации капитализм сохраняет потребность в частном присвоении и распределении прибыли как в регуляторе экономики и тем самым продолжает связывать удовлетворение общего интереса с удовлетворением частных имущественных интересов. Таким образом, он не может уйти от конфликта между возрастающим потенциалом примирения борьбы за существование и потребностью в ее усиении, между прогрессирующим «упразднением труда» и потребностью сохранения его как источника прибыли.

I. Одномерное общество

Этот конфликт закрепляет нечеловеческие условия существования для тех, кто формирует человеческий фундамент социальной пирамиды,— аутсайдеров, бедняков, безработных, преследуемых цветных рас, узников тюрем и заведений для умалищенных.

В современных коммунистических обществах черты угнетения проявляются в стремлении «догнать и перегнать» капитализм, которое поддерживается наличием внешнего врага, отсталостью и террористическим наследием. Тем самым укрепляется примат средств над целями, который могло бы устранить только достижение умиротворения; капитализм и коммунизм продолжают соревноваться хотя и без применения военной силы, однако в мировом масштабе и с использованием мировых институтов. Такое умиротворение означало бы возникновение подлинно мировой экономики и конец национальных государств, национальных интересов, национального бизнеса заодно с международными союзами. Но именно против этой перспективы мобилизуется современный мир:

Неведение и несознательность позволяют процветать национализму. Для обеспечения безопасности и существования «отечеств» недостаточно ни вооружений двадцатого столетия, ни промышленности,— необходимы организации, которые имеют международный вес в военной и экономической области. Однако на Востоке, так же как и на Западе, коллективные убеждения не стремятся свыкнуться с реальными переменами. Великие державы создают свои империи или подновляют фасад, отказываясь от изменений экономического и политического режима, что придало бы значение и эффективность одной из коалиций.

И еще:

2. Герметизация политического универсума

Одураченные нацией, одураченные классом, страдающие массы повсеместно вовлекаются в обостряющийся конфликт, в котором их единственными врагами являются хозяева, со знанием дела использующие мистификации промышленности и власти.

Сговор современной промышленности и государственной власти является пороком с более глубокими корнями, нежели капиталистические и коммунистические институты и структуры, пороком, необходимость искоренения которого не предусмотрена диалектикой необходимости.¹

Роковая взаимозависимость двух «суверенных» социальных систем в современном мире указывает на то, что конфликт между прогрессом и политикой, человеком и его хозяевами стал тотальным. Сталкиваясь с вызовом коммунизма, капитализм сталкивается с продолжением самого себя: впечатляющим развитием всех производительных сил после подчинения [интересам общества — *перев.*] частного интереса в прибыли, задерживающего такое развитие. Но и коммунизм, когда сталкивается с вызовом капитализма, также сталкивается с продолжением самого себя: впечатляющими удобствами, свободами и облегчением жизненной ноши. В обоих системах мы находим эти возможности искашенными, и в обоих случаях мы видим одну и ту же причину — борьбу против формы жизни, разрушительной для базиса господства.

¹ *Froinçois Perroux, loc. cit., vol. III, p. 631 — 632; 633.*